

Александр Владыкин

Таблицы неделимости 2

16+

Александр Евгениевич Владыкин

Таблицы неделимости 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42712896

SelfPub; 2019

Аннотация

Мы не одиноки в этом мире, даже на нашей планете всегда рядом с людьми живут другие существа, и нам приходится мириться с этим общежитием.

Глава 1

Смена всегда приходит рано. Я не успеваю зубы почистить. Надо попросить начальника караула, чтобы поменял мне напарника, пол ночи не спал, достал он меня своим храпом. Решётку открыли, как всегда, ровно в полвосьмого утра, не минутой раньше. Я оплатил завтрак на неделю вперёд, поэтому мой маршрут был прогнозируем; после столовой, я приложил временный пропуск к сенсорному датчику и, «первый пошёл» на проверку... Охрана, привычно, провела осмотр, не касаясь частей моего тела. Выходной костюм был выстиран и выглажен, вычищенные туфли, были как новые. Носки пахли духами, как и рубашка, одетая на голое тело. Волосы, кучерявясь на моей груди, делали тело сексуальнее, выглядывая через ворот рубашки. Я оставил чаевые охраннику. Я всегда здоровался с начальником смены и оставлял чаевые... у охранника было девятеро детей, из них пятеро приемных. Робот последний раз осветил меня и открыл выходную дверь тюремного блока. Чтобы выбраться из тюрьмы, мне необходимо было пройти пятьдесят метров сеточного туннеля, расписаться в тюремных журналах, получить временный пропуск на сегодняшний день, и я на работе. Рабочий день у меня начинался с первого шага на свободу и заканчивался тем же самым, но в обратном направлении. Сегодня мне не повезло: ближайший банкомат был выломан и раскурочен, возле него в луже масла валялись два робота

и «Криминальная хроника» обрабатывала свои деньги. Пришлось идти пешком через два квартала. Молодёжь шалила, пользуясь нехваткой специалистов. Камеры видеонаблюдения были уничтожены, обрывки кабеля и средств связи сожгли ещё месяц назад. Теперь атаке подверглись семафоры и датчики автоматического такси. Аварии мгновенно перекрыли улицу; и первая проба нападения на меня была предпринята, когда я пытался протиснуться через покорёженные автомобили. Сосунки, лет четырнадцать – шестнадцать, такая скороспелая уличная банда, вооружённая, больше, для своего «авторитета», выстрелили в воздух. Пуля прошла над моей головой. Я достал парализатор. Кто-то из мелких увидел моё оружие:

– Кукольник!

Крик ещё не успел утонуть в уличном шуме, как мелких не стало. Им посчастливилось повстречаться с тем, что в этом мире называют ужасом. Если вам с утра повстречался Кукольник, то про невезение в оставшейся жизни можно забыть. Я не женат, у меня даже нет подружки. Мои друзья живы и здоровы, я надеюсь, они и меня переживут. Нет, я с ними не общаюсь, только иногда, когда

возникает необходимость заменить энергетические элементы. Их жёны всегда пытаются экономить на своих мужьях. У меня тоже была любовь, только давно и в другом городе, моя невеста узнала о моей специальности... я тогда только начинал свою производственную деятельность, рабо-

тал сборщиком, и получаемых мною денег, едва хватало на цветы для моей девушки. Её отец запретил нам встречаться, и вскоре выдал её замуж за биологического робота, которого я собрал своими руками. Я уехал из этого города и никогда в него не возвращался. С тех пор прошло семнадцать лет, я стал мастером своего дела, пройдя все этапы становления. Я стал четвёртым из Кукольников в этом мире, выше меня был только Кукловод – глава концерна производства биороботов. Официально моя должность была по работе с клиентами – я был инспектор по возвратам. Это когда клиента не удовлетворяет заказ. Кукольник – это была последняя стадия конфликтов продаж, только он мог решать прав или не прав клиент. Такая ситуация возникала редко, очень редко. Никто не хотел встречаться с Кукольником, никто и не знал, что я им работаю. Меня везде представляли, как психолога, психотерапевта. Это наверно было основой для моей неблагодарной специализации.

Можно уйти от себя, но не от незаконченной работы. Она догонит в вежливом напоминании Кукловода. Мне было назначено... на яхте, где-то в Атлантике. Атлантика оказалась Индийским океаном, а яхта была больше похожа на скалу с пещерой, находящуюся на небольшом острове с гуляющими по берегу пеликанами. Кукловод собрал всех, это был его последний аврал. Он лежал на больничной кушетке, весь опутанный медицинскими датчиками и трубками. Нас было че-

тыре кукольника, мы символизировали четыре части света. Я был – Запад. Кукловод сказал, что мы все одинаковы, ему всё равно, кто вытянет жребий и кому будет принадлежать империя. Нас подвели к сфере, сфера должна была назвать победителя. Чтобы выждать время и особо не нервничать, стюард предложил нам разнос с вином. Я выбрал светлое искристое и изнывая от жажды, залпом выпил бокал. Больше к вину никто не притронулся, каждый крутил в руках свой бокал, ожидая результата жребия. Наконец сфера остановилась, перестала вращаться и внутри было четыре бумажки. Каждый из нас выбирал свою участь. Все бумажки были пусты. Я уже собрался покинуть гостеприимный остров, но мои коллеги-кукольники стали падать один за другим, расплёскивая красное вино, которое, как густая кровь растекалась по паркету зала. Я остался один. Кукловод рассмеялся и потерял сознание, врачи ему давали считанные часы. Стюард принёс ключ от главного офиса:

– Вы теперь глава империи. Завещание и документация в сейфе.

Я не хотел, не стремился, считал себя недостойным, а получил ключ от этой планеты, и особое влияние на ещё десятках таких же планет. Над планетой восходила звезда, чем выше подымался крейсер, тем ослепительней казался диск Вечности. Так древние называли звезду, дающую тепло и свет. В офис я смогу войти только после похорон предыдущего хозяина, а пока... пока я вернулся на свою планету. Этим же ве-

чером я улетел на Имperiал. Дворники с улиц столицы убирали траурные ленты и транспаранты, под ногами хрустел пластиковый мусор. Роботы раньше появлялись на улицах, открывались магазины, офисы, полицейские участки, чуть позже газетные киоски, зоопарки, кинотеатры. Люди прибегали за пять минут, до начала работы. Потом, где-то разбивалось окно и со звоном стекла, с гомоном и с бестолковым движением во все стороны – появлялась молодёжь. Старики позже всех выходили погреться на лавочках. Потом начинался обычный день для столицы, как для любого провинциального городка Имperiала. Ездил транспорт, проходили спланированные манифестации, полиция выборочно вылавливала прохожих, снимала отпечатки пальцев и проводила идентификацию, карманники ссорились с контролёрами, платили штрафы и подрезали кошельки зазевавшихся граждан.

Первым я нашёл Гемо. Город мутантов находился под землёй на третьем уровне столицы, и выходил далеко за окраины, до пересечения промышленных автострад и сетчатых заборов фермеров. Обычный обитатель столицы не рисковал появляться в этих местах, люди избегали мутантов, а роботы не хотели потерять то, что у них есть. Слух о том, что чужой пересёк их границы, среди мутантов распространился мгновенно. Ни одна банда не вела свои дела без благословения Гемо, на этот раз к нему выстроилась очередь. Вожди подземных шаек вылетали, как пули из помещения, вращая расширенными глазами. Я шёл по пустым улицам, похожим

на подземные переходы, навигатор подвёл меня к дому Гемо, перед которым ещё не успела рассосаться очередь. Я спросил:

– Кто крайний?

Мужик с рогами неожиданно выстрелил в своё копыто и очередь растаяла, как и не была. Мужик с рогами оказался стрекозой, первым взлетел в воздух. За ним потянулось стадо стрекоз. «Ночные волки», подсказал вышедший Гемо. Я подождал пока мутант надышится, у него была большая голова, но маленькие лёгкие. Гемо знал зачем я к нему пришёл: он предвещал будущее, видел настоящее и знал прошлое. В моей системе нужен был аналитик с такими данными. У Гемо было время всё обдумать, но у него были условия. Он потребовал его с семьёй вывезти на планету Кукловода и общаться с ним по телепатическому закрытому каналу. Гемо будет сопровождать мою деятельность, ежемесячно делать отчёты о работе и давать рекомендации. А ещё он просил новое тело, для себя и своих дочерей. Жена у него была из анероидов, ворчливая, как и все жёны. Ей, Гемо, ничего не просил заменить. Всё это было осуществимо и поправимо. Если бы я знал, как этот зануда достанет меня со своими капризами: то он хотел артистом быть, то нет, то ему не нравилось то, то это. Он каждый день менял тела, как перчатки, пока на какой-то детской выставке не увидел робота. Он тут же переселился в него, и не вылезает по сегодняшний день. Иногда только – по вечерам.

В офисе я появился рано утром. Охранник открыл входную дверь, стволы пулемётов и видеокамеры сопровождали меня до самого лифта. Я знал, что в каждой смене охраны было не менее пятьдесят сотрудников, и, если я их не вижу, это не значит, что они не видят меня. Вся охрана была из биороботов. Значит кто-то успел перепрограммировать их на меня. Кабинет Кукловода находился на десятом этаже. Я вышел из лифта и оказался перед большой красочно оформленной дверью. По каналу связи вышел на меня Гемо:

– Ключ надо вертеть два раза против часовой стрелки, потом, наполовину вытащив, один раз по часовой до открытия.

Телепат начал отрабатывать потраченные на него деньги и нервы. Я открыл дверь, Гемо до конца проследил весь процесс. Я его спросил:

– А, если бы я ошибся?

Гемо ответил просто:

– Был бы взрыв, и тебя бы смело плазмой в мусорный бак.

Это было не смешно! А, никто и не смеялся. Мозг умирающего предшественника мог и не то придумать. Я проследовал дальше. Сейф открылся при моём прикосновении, на стене, напротив, вспыхнул экран. Старый хозяин применил для изображения фотографии своей юности, он видимо часто перебирал их. Мне пять дней пришлось изучать этот инструктаж. Там было такое, во что не хотелось верить и что не хотелось слушать.

– Это правда! – подтвердил Гемо.

Из всего, высказанного Кукловодом, я понял одно, что мы были самые презренные сущности вселенной, завезённые в эту планетарную систему, как рабы, для производства серийных заказов для всех миров. К нам привозился исходный материал со всех завоёванных галактик, потом нас переключили на производство военных роботов, самый последний заказ был на строительство тюрем. Мы настроили тюрьмы по всем планетам, сейчас занимаемся только реконструкцией, но выполнение заказа до сих пор продолжается. Потом про нас забыли. Прошло несколько тысячелетий и на планете Имperiал под взглядом диска Вечности возник народ полутенов. Мы не похожи на другие народы, физиологически мы больше биороботы, чем органические существа. Но в нас нет почти неприродной неорганики, даже роботы отличаются лишь тем, что им необходим дополнительный элемент энергии. Робот может воспитывать детей, управлять государством, наши роботы могут всё. Наука не стоит на месте, к нам доставлены изделия из другого мира, у них были обнаружены недолговечные биологические генераторы, называемые душой. Их почти не заметно на фоне органического тела. Я и заснул в кресле кабинета. Компьютер, настроенный на мои биоритмы сделал перерыв.

Глава 2

Человека всегда тянет туда, где он родился. Оля не любила ездить на море, больше двух суток этой жары не выдерживала и с обгоревшим носом улетала в Москву. Квартира

с кондиционером всегда была к услугам «пингвинов», у Оли была куча друзей, притом разных национальностей, которых объединяла любовь к «северу». За чашкой московского чая, с домашними баранками можно было встретить гостя с северной Африки, что-то объясняющего девушке из северной Ирландии, про особенность климата на севере Австралии. Они нас игнорировали – южан, единственно кого принимали в свой круг, это посетителей Южного полюса планеты. Ко мне это сообщество относилось нейтрально:

– «Москвич, что ты хочешь? Москвич, чаю дай.»

Я закрывался в своём кабинете и перебирал фотографии прошлого. Дети звонили редко, уже и внуки успели подрасти. В гости их в Москву не затянешь. На этот раз не Оля, а я смылся из Москвы в один из северных районов Сочи, где жил мой старший сын. В Адлере меня встретила невестка. Неля успела родить троих детей и самой младшей уже было шестнадцать лет.

– Пап, ну нельзя так! Никого не предупредил, мама там места не находит, обзвонила все больницы и морги, что только президенту не звонила.

У невестки, кроме прадеда, никого в живых не было, и мы для неё были самыми близкими людьми. Я обнял Нелю и мы, не спеша, вышли из здания аэропорта. Сын был на соревнованиях в Квебеке, даже работая тренером, ему приходилось летать по всему миру. В доме никого не было, в четырёхкомнатной квартире гуляло эхо и ворчливый Семидесяти вось-

милетный дед. Неля утром ушла на работу, оставив мне завтрак на столе, наглого ленивого кота, компьютер, и «сплетник», пылившийся в углу, за ненадобностью. Невестка забыла ключи оставить, а я забыл свои таблетки – в Москве. Хожу из угла в угол, выйду на балкон, постою, так и нарежем круги с котом, косясь, чтоб кто-нибудь не занял диван. В середине дня раздался звонок. Неля предупреждала, чтобы я никому не открывал, а я забыл... Склероз. За дверью стояла собака, одетая как человек, в старинную почтовую форму. Нет это был волк, только без хвоста. В конце, концов я определился с посетителем. Это был оборотень. Он протянул мне запечатанный сургучом пакет и на, почти забытом, суржике безвременья, сказал поторопиться с ответом. Я ещё не успел закрыть дверь, как оборотень растворился в воздухе.

– Вот такие вот дела!

Я подморгнул коту. Но это ленивое и жирное существо, наверное, парализовало: оно согнуло спину дугой, превратилось в шар и до прихода хозяйки не отошло от дверей. Неля пришла ближе к вечеру, пропахшая офисом и апельсинами. Апельсины в Сочи продавали, чуть не на каждом углу.

– Пап, у нас кто был?

Неля держала в руках конверт. Я хотел было ответить, но Неля уже вскрывала печать ножницами..., и мы втроём оказались внутри какого-то здания, похожего на муравейник, или термитник, в окружении бесхвостых скунсов, каждый был с человека ростом. Они были в одежде, ходили на задних

лапах, были обуты в сабо, и в руках держали авторучки. Бедные животные сами не ожидали нашего появления, и чисто автоматически, взяли нас в кольцо. Один из скунсов попросил Нелю отдать ножницы. Неля спрятала руки с ножницами за спиной, тогда скунс продемонстрировал авторучку, расписавшись по одинокой каменной колонне. Я не увидел луч, но животное разрежало колонну на три части, которые медленно соскользнули на пол, это было так легко, как будто скунс резал торт. Я поспешил вмешаться и выхватив у невестки ножницы с конвертом, поспешил отдать их скунсу. Я знал, что в подобных случаях лучше не медлить. Неля надулась. Я знал, что мне невестка досталась из обидчивых, но я бы не хотел посмотреть на того, кто попытается сделать ей больно. Насилия пока никакого не было. Старший из этой компании удалился, и через некоторое время нас, отдельно, поместили в какие-то здания, с невысокими, но крепкими стенами, с садом, в котором растут чудные фрукты, похожие на инжир, виноград. Я попробовал дотронуться до дыни, и получил удар током, довольно-таки ощутимый. Пришёл оборотень, похожий на шакала, в руках у него был прибор – ретранслятор, он показывал картинки, я говорил слова, не уверенный, что кружка – это кружка, а ложка – это ложка. Мне показали курицу, с головой кузнечика и хвостом скорпиона, я назвал её курицей. Меня покормили. В первый раз я не знал, что я ел, но было вкусно и сытно. Ночью связалась Неля, я знал, что она владеет телепатией и в экстремальных ситуациях может

читать мысли. Мне Романов правнучку уже подготовленную сдал, а сам слинял, гад. Я чувствовал, что в это приключение мы не без его влияния попали. Я успокоил Нелю, предупредив, что стены под напряжением. Я знал о других возможностях невестки, но просил не торопить события, было очень интересно, но не понятно. Так мы и оказались внутри этого зоопарка, но утро вечера мудренее.

– Почему ты меня называешь Велд – Два.

– Потому, что ты и есть Велд – Два. Новый, стационарный, задающий много глупых вопросов.

Я приготовился к обороне, Велд редко вклинивался в мой монитор, а если вклинивался, то что бы поругаться. Я двадцать минут выслушивал «комплименты» машины. Наконец, аргументы у него закончились, он выдал мне полную распечатку – напоминание, чтоб не забыл, перед сном, прочитать, кто я есть на самом деле. Я её смял, и демонстративно бросил в мусорную корзину. Что – то у компьютера не получалось, не клеилось, энергия тратилась впустую.

– Игл, как давно ты связывался с русским?

Урус уже три месяца не подходил к кейсу, я напомнил Велду, что люди не вечны и у них есть свои маленькие странности, которые они называют болезнями. Не буду же я машине объяснять, что русскому далеко за семьдесят, и он иногда, с трудом, вспоминает своё имя. Самому было интересно, Урус, иногда включался и я знал, что твориться на Земле,

но последнее время обмен новостями прекратился, я ничем Велду помочь не мог. Велд всё пытался делать сам и никогда не просил помощи, постоянно делал ошибки, которые разгребать приходилось мне, как составителю программы для этого шалопаю. Мне нужен был собеседник и я восстановил Велда, не того, мечтающего о строительстве грибов и воспроизводства народа. Дети гриба, как и фараоны и их производное ушли давно в историю. Может быть и нас, жителей Марса коснулась бы эта участь, но все ближайшие созвездия были заселены родственными нам народами. Я следил за статистикой – мой род жил, размножался. И если бы не досадная космическая авария, в которой погибла моя жена, то я бы ещё помог бы роду в размножении. Шучу конечно, марсиане тоже подвержены старению. Мне не давала покоя мысль:

– Что беспокоило Велда? Он раньше никогда не спрашивал про россиянина.

Мне хотелось вызвать на откровенность машину, не применяя доминирующих действий с позиции силы. Я хотел, чтоб Велд рассказал сам, что у него на уме. Велд – Два сдался:

– Понимаешь, Игл, я пол месяца назад рылся по частотам вселенной и получил сообщение на закрытой волне прямым текстом по адресу русского, на его компьютер, сделанный по технологиям детей гриба.

– И что было в сообщении?

– Ты не поверишь – SOS.

Это было интересно. Я три месяца не могу достучаться до Уруса, а тут он ещё кому-то понадобился. Пора собираться в путь: – подумал я:

– До Земли недалеко, один переход, завтра к вечеру буду. Мой корабль всегда был готов к полёту. SOS, морзянкой, на технологию гриба – такого кошмара нарочно не придумаешь! Нонсенс в квадрате.

Про нас все забыли, трёхразовое питание по высшему классу, как будто специально нас вырвали из нашего мира, чтобы проверить квалификацию своих поваров. Неля возмущаться начала, я еле сдерживал её негодование. Мы уже знали, что находились на планете полутенов в столице, сама планета называлась Империял. Остальную информацию приходилось по крупицам выдавливать из охранников. Два раза в соседскую камеру привозили телепата, я знал, что камеры просматриваются и прослушиваются, но не знал, что записываются все наши мысли и разговоры с невесткой. Полутены сами были ошарашены нашим появлением, а расшифровав письмо в сургучной оклейке и вычислив его дату, они даже не знали куда нас, и в качестве кого зарегистрировать. В конце, концов, согласно письму, с нами должен работать кукольник, власть, только поменялась и начальник охраны искал удобный момент, чтоб нас представить Кукловоду. Кукловод был главой этого государства, как я понял. В письме

был отказ от заказа на шесть кукол, для сексуальных услуг, заказ был сделан четыре тысячи лет назад, остальная информация утеряна, но кто-то оказался неудовлетворённым выполнением заказа. Только не понятно, почему этот оборотень-почтальон вручил письмо мне, и в Сочи? Переводчики точно указали адрес – Мемфис. Гибердауляйтеру высшего асса. Я даже представления не имею, кто это такой, и что за должность – Гибер...высшего асса?

Охрана вывела нас за пределы тюрьмы. Если здесь такие тюрьмы, то какие тогда дома? Шесть скунсов сопровождало нас в течении всего похода, я обратил внимание, что спереди и сзади тоже были охранники, ограничивающие движение транспорта. Если нас предпочитают вести пешком, значит это недалеко, и действительно, через пятьсот метров мы подошли к офису. Он отличался от остальных, только тем, что не был похож на термитник и имел правильную, шестиугольную форму. Стены были сделаны из матового стекла или пластика, переливались оттенками от молочно-белого, до тёмно-серого. На входе тоже была охрана, лифт был прозрачен и видны были все двадцать семь этажей этого здания. Я, абсолютно, не почувствовал движения лифта, было такое ощущение, что сила тяжести отсутствует. На каждом этаже тоже было много охраны, притом все подходы были утыканы камерами слежения, это то, что бросалось в глаза. В районе десятого этажа лифт остановился и нас передали в лапы других служащих. Старший команды охраны, через ре-

транслятор сообщил, что с нами хочет переговорить глава концерна и государства Империял – Кукловод. Притом, это было сказано с таким лицом, что театральному суфлёру не снилось. У меня повысилось настроение, если в этом мире правят Кукловоды, значит не всё потеряно. Дальше шёл инструктаж, как мы должны себя вести, что должны делать, а что нет... , но я уже не слушал, Неле, вообще, надоела эта беллиберда, она смотрела сквозь инструктора с серьёзной физиономией скунса и, просто, ждала, что будет дальше. Наконец нас ввели в зал. Это был кабинет Кукловода. Кукловод стоял у окна, он был одет в комбинированную красно чёрную мантию, и повернулся, среагировав на наше появление. Он произнес несколько коротких певучих фраз, отправил охрану за двери. Кукловод был выше нас, и когда он подошёл к нам ближе, мы с Нелей переглянулись. Он нам напомнил одного из древних египетских богов, которых любили изображать на всех учебниках по истории. Перед нами был живой Анубис. В египетской мифологии ему отдали царство мёртвых, это он научил жрецов делать мумии. История говорит, что он оживлял мёртвых, заставляя их сражаться в рядах своего войска, только по каким – то обстоятельствам ему не удалось передать свои знания людям. Этот исторический ракурс промелькнул в моей голове так чётко, как будто я читал лекцию перед членами географического собрания. Он отличался от охраны, выглядел физически мощней и имел голову собаки с очень развитыми мозговыми полу-

шариями. Он не открыл своего рта, лишив нас возможности оценить блеск и остроту его зубов, пастью это назвать нельзя было, весь облик императора Империаала был настолько утончён и ухожен, что невольно закралась мысль, а правильно ли мы определяем понятия: животное, лапа, пасть. Не вязалось к этому существу, скорее себя почувствуешь куском грязи, чем это живое божество. На меня первая встреча с Кукловодом была, как удар молнии. Неля испытала аналогичные чувства, Кукловод вызывал симпатию у общающихся с ним. Его голос возник в нашем мозгу, как гипноз, из ничего:

– Что биороботов Земли привело в наши края?

Он задал вопрос, на который не смог дать ответ. В первый раз ему приходится решать дело, не имеющее чётких позиций. Ему не хватало исходных данных. В письме был адрес заказчика и адрес отправителя, письмо написано древним полутеновским языком, ещё иероглифическим письмом. Специалисты еле перевели текст. Это письмо должно давно лежать в архивах, но земляне утверждают, что его принёс почтальон, и что он был из полутенов. Он просканировал мозги землян. Ничего интересного, обыкновенные старые биомеханические роботы, сделанные полутеном, не получившим хорошего образования. Император скривился, этот недоучка слепил что-то живущее лет сто пятьдесят, с хроническими болезнями и с критической паранойей – биороботы считали себя живыми существами, личностями. Де-

вочка была тоже механическим биороботом, но более современной, с четырьмя индивидуальными сердцами и гибридной кровеносной системой, она могла жить более тысячи лет, некоторые изменения в мозгу могут при развитии дать ощутимые преимущества перед биороботами того мира, но какая же это муть! Император брезгливо посмотрел на производных своего соотечественника:

– Какая древность!

На этом наша аудиенция закончилась. Он прочитал мой вопрос.

– Вы мне не интересны, пока вы сами ничего не знаете по этому ребусу с письмом полутена. Я бы хоть сейчас вернул вас на Землю, если честно, и для меня не ясно, по какому каналу вы к нам прибыли, и зачем? Но с вами хочет пообщаться Гемо. Завтра он заберёт вас, и то, когда вы вернётесь домой, будет зависеть от его степени заинтересованности. На этом я с вами прощаюсь.

Честно сказать это был не диалог, не допрос, а смотрины. Император хотел посмотреть на биороботы, создавшие ему головную боль. Для Нели и меня это был шок, мы не люди – мы роботы, созданные, чтоб нами управляли, мы марионетки с незримыми ниточками, сколько же презрения было в словах Кукловода. Нам предстояло многое переосмыслить, но только уже в своём мире, мне всё меньше нравилось здесь находиться, неприятно, когда тебя считают браком создателя, тогда я ещё не знал, что в руках императора был дей-

ственный механизм: разобрать нас на запчасти, отключить от деятельности, император мог сделать что угодно, но побрезговал, посчитал, что этим проблему не решишь. Мы с Нелей даже не говорили в этот день, стыдно было в глаза другу другу посмотреть. Неля себя к циклусам относила, а тут – робот!

Я даже не помню, как мы оказались на другой планете, нас встречал кот, Нелин кот. Он тёрся у ног робота, похожего на копию из «Звёздных войн», коты всегда предпочитают тех, кто их гладит и кормит хорошо. Прислуга на кота смотрела с ужасом, они никогда не видели столь страшное и волосатое животное. Я не знаю, как получилось так, что мы попали на Импераал, а кот сделал крюк. Прислуга была из роботов, я уже начинал разбираться в иерархии здешних жителей. Всё, что работает и охраняет в этом мире – это роботы, остальные – полутены. Сейчас нам пришлось встретиться с мутантом, но мы пока о этом не догадывались. На этой планете было всё не так, как на Земле, она отличалась и от столицы Импераала. Неля была укутана в туман, охрана намекнула, что она провинилась, пытаясь негласно выбраться за пределы тюрьмы, а вывезли нас ночью, я даже не слышал. Кот нас игнорировал, делал вид, что он нас не знает и что-то выпрашивал у робота. Охрана улетучилась как-то незаметно, наконец-то включилась Неля:

– Кто я? Где я?

Потом повернулась ко мне:

– Ты кто?

Робот подъехал и пассажирами экстрасенса снял с неё туман, он росой осел на пол, весь, без потёков и капель. Потом смотритель металлической рукой нажал пять – шесть точек на ноге невестки, и она вздохнула, зашевелилась. Мне кажется до этого она не дышала, и эта инопланетная железяка вернула её к жизни. Не знаю кто, но кот моментом среагировал на её оживление, Неля не успела произнести и пару слов, как он, с разбега, очутился на её руках. Произошло воссоединение двух существ. Робот заулыбался, на этой планете даже роботы имеют эмоции. Робот представился:

– Гемо.

Это были последние слова, услышанные нами от железяки. В дальнейшем нам пришлось общаться при помощи телепатии. Гемо – это было самое полезное и разумное в этом мире существо, он спокойно, без всякой иронии, отвечал на все наши вопросы, он не считал себя сверх. интеллектуалом, был прост и доступен в общении. Охраны больше не было, сунсы улетели на Империял, нам некуда было бежать, нападать, совершать какие-то демарши – тем более. Мне нравилось беседовать с Гемо, я научил его игре в шахматы, и он заводился, как маленький, когда проигрывал партию. Может эта игра и произвела сбой в философии полутенов? Маленький, спрятавшийся под оболочкой примитивного робота, мозг гения хитрил в общении с нами, он давно дал опре-

деление всем случившимся событиям и проверял нас на откровенность. Гемо, через общение с нами, по крупицам выдвигал недостающие факты, и через месяц первая докладная от аналитика попала на стол Кукловода. Император просмотрел доклад, поморщился... сейчас это было не ко времени, ему не нравились выводы вассала, но империя двигалась по инерции и у него не было ни одного кандидата в Кукольники. Если Юг и Восток немного прикрыты – там были сильные заместители, то Запад и Север ждали своих руководителей. Кукловод теперь жалел о том, что пытался сам везти воз, не доверяя свою поклажу никому. До конкурентов ещё видно не дошли слухи о смене власти на Империа-ле. Пока войной никто не грозит, а там – кто знает? Император уничтожил записку аналитика, эта информация, как гвоздь в пятку. Но пока не время! По линии связи Кукловод поинтересовался, нужны ли будут ещё люди? Попросил привести их в порядок и отправить домой этих попаданцев. Гемо выполнил приказ Императора, биороботов модернизировали на заводе, перед отправлением домой, Гемо попросил, чтобы ему подарили кота.

– А, если надумаете ещё раз посетить наши края, то захватите, пожалуйста, кошечку.

Я не успел моргнуть, Неля стояла передо мной в своей квартире, с открытым ртом... раздался звонок в дверь. Невестка посмотрела на меня, как на врага народа, и с недоверием, отстранив меня к стене, побежала сама открывать

дверь, хватит уже одного почтальона!

Глава 3

Я не завидую попаданцам в чужие миры, но у возвращенцев проблем не меньше. Представьте, что вы опоздали на свидание лет на триста. Мы с Нелей вернулись в чужой мир. Нет, Земля осталась та же, только люди стали больше на роботов похожи. Все на одно лицо. Мы никому не были интересны и не нужны. Это мне, наверное, казалось, нас ждали, все триста лет ждали. Экскурсия на Павелецкий вокзал, для меня и моей невестки закончилась на планете зверя. Игл удовлетворённо потирал руки, отпустив своих подчинённых. Неля приходила в себя, ей ещё никогда не приходилось драться с резиновыми грубыми насильниками, она ещё была в горячке боя, но пьяный газ на всех действует одинаково. Я всегда предчувствовал, что платные туалеты на железнодорожных вокзалах существуют, чтоб воровать людей и переправлять их на другие планеты. Я едва узнал Игла, и успел предупредить Нелю, чтоб не чудила. Связанной и беспомощной перед лицом зверя была голограмма невестки, а женщина уже была готова к началу атаки. У Игла, чуть челюсть не отвалилась, когда я вышел из пут и обнял его, оставив голограмму терпеть неудобства до последнего. Игл рассмеялся. Зверь предложил нам кофе. Девушка смотрела на нашу встречу настороженно, я видел, что она включила все внутренние рецепторы, не доверяя зверю, который вырвал нас с родной планеты. Если честно, я у друга чувство-

вал себя более раскрепощённо, чем на Земле.

Зверь не стал тянуть время, играя на нервах:

– Рассказывай!

Мне так много надо было рассказать, а я уложился в две минуты:

– Ну, вот.

Игл помотал головой, даже с применением ментала, он ничего не понял из сказанного мной. Тогда я открыл полностью свой мозг:

– Читай, смотри, ищи, задавай вопросы, получай ответы, только не заставляй меня нервничать и оправдываться. Я перед тобой ничего не скрываю, я даже дал возможность сделать видеозапись того, что застряло в моих мозгах и не успело стереться за ненадобностью.

Игл два дня переваривал сюжет попаданцев, он, как и полутены не мог сообразить, кому это нужно было закинуть нас, кто знает куда с непонятным сургучным пакетом. Игл пошутил:

– Серёжа, а может это ты заказал этих куколок, а теперь отказываешься?

Пришло время марсианину делиться информацией, и он достал старый кейс, хранившийся в моём кабинете, в том месте, где я редко лазил и не позволял другим. Из тысячи керамических фрагментов, собрался и высветился экран, зверь коснулся пальцем входной информации, десять раз кто-то без адреса пытался войти, на экране высветились космиче-

ские координаты источника. Игл рассказывал, что специалисты покопались, но ничего, кроме «SOS» нет. Кто послал – неизвестно, стационарно в том месте нет ничего, не планеты, не метеора, вакуум.

– Но в вакууме просто так сигналы не возникают. Кому-то нужна помощь. Но кому? Первоначально я думал тебе, извини, но за Нелю я ничего не знал.

Учёные вычислили, что с этого места сигнал мог вестись с кометы Галлея, которая раз в сто лет пересекает пространство нашей звёздной системы. Сигнал был слаб, но его зафиксировал межгалактический компьютер гриба. Вот такие вот дела, – закончил свою исповедь Игл. Комета, через три года, опять должна появиться в нашем регионе, предлагаю сделать разведку, подготовить роботов, для высадки на ядро кометы. Вам делать нечего, вот и займитесь организацией.

Легко сказать, займитесь! Но пришлось, поначалу ничего не получалось, а потом, эта планета, с её обслуживающим персоналом, стала, как своя. Неля, наконец, отошла от своих мрачных мыслей, связанных с путешествием и сдвигом во времени, в работе плохое быстрее забывается. Несколько раз проштудировали посадку на комету, даже провели учения. Вроде всё предусмотрели: и корабль – экипированный от и до, и роботы, и инструменты. Осталось только ждать. Целый год.

Стажировка окончилась, с походами в ночные клубы, и

знакомства с лёгкими алкогольными напитками, с красивыми и улыбочивыми мальчиками, пришло время доказывать, что тебя не зря учили на юридическом факультете, одного из самых лучших университетов. Друзья разлетелись кто, куда, а нас, не имеющих поддержки родителей, постарались распределить подальше от крупных городов, на самые непотопляемые должности. Меня засунули в район, в следственный отдел. Ну, что же, следователь для начала, это не совсем плохо, есть шансы к росту, и если повезёт с карьерой, то на пенсию подполковником можно выйти. А до пенсии ещё: Ого-го. Мечтать не вредно: меня обязали заниматься с детьми, всем, что связано с их пропажей.

– У детей психика не сформировавшаяся, поэтому вам лучше почаще советоваться с психологом.

Мужчины оперативники, за соседним столом вспрыснули в кулаки. Начальник отдела капитан Брусницын замялся:

– Только он странный этот психолог, вроде не пьёт и не колетса, грибочки не варит, но везде ему маньяки мерещатся. Ну, сама разберёшься, вот тебе стол, ключи от сейфа, насчёт своей безопасности позаботься сама, штатное оружие вашей должности не полагается. Район наш тихий, но пропажи тоже случаются. Иных находим, а некоторым не повезло с нами, а нам с ними. В сейфе дела, изучай.

Службное жильё находилось в паре шагов от работы, я успевала за десять минут, доедая на ходу пирожок, купленный у бабок ещё вчера, вечером. Второй этаж, двенадцать

квадратных метров, душ и туалет в коридоре, была ещё одна комната, на дверях висел амбарный замок с дужками в палец толщиной. Капитан говорит, что двери заколочены, и его ещё предупредили, что если не хочешь неприятностей, то лучше туда не соваться. Кухня даже в девять квадратов не вписывалась, печка была, топилась дровами и углём, если что быстро приготовить, имелась двухсекционная электрическая печь с духовкой. Живи как хочешь, правда углём и дровами в зимний сезон полицию снабжали. Я обживалась месяца два, пока жильё в нормальный вид не привела, спасибо сослуживцам, многие по соседству, семьями ютились. Эта квартира была моей мачехой, всё у неё постоянно ломалось, а я, как падчерица пыталась отремонтировать незакрывающийся кран, то гвоздь забить кочергой, при этом умудрялась врезать себя по пальцам. Я, буквально, боялась к чему-то прикоснуться в этой квартире, если садилась на стул, он рассыпался, в диване скрипели и лопались пружины, вешалка обрывалась, душ мог окатить кипятком, я так и не смогла понять, как он работает, он был с характером и всех жителей приучил к своему контрасту. Комната была угловая, без балкона, но с большим окном, у неё была неплохая звукоизоляция и с остальными недостатками можно мириться, деваться некуда. Я просто вынуждена познакомить вас с моим бытом, потому что дальнейшие события в моей жизни прочно связаны с этой комнатой и со смежными, я даже не знаю, как сказать – коридорами в чужую жизнь, где с наступ-

лением ночи, душ превращался в кусок замка или в окно сто семьдесят восьмого этажа, а кухня со всеми приспособлениями – в пыточную камеру, или участок румынского окопа, но больше всех неожиданностей несла в себе закрытая и забитая дверь в ад или в мир доисторических существ. Через время вся обстановка менялась, но не будем опережать события. Всё случилось в четверг...

Мне надоело листать эти безликие допросы, написанные казённым сухим языком по требуемому формуляру. Перелистав двадцать папок, я пришла к тому, чтобы хоть немножко оживить события того времени, переписывала дела, под человеческий вид, не искажая действий, не добавляя ничего от себя, я постаралась все происшедшее выразить обыкновенным человеческим языком, отойдя от формы протокола: вопрос, ответ, вопрос, ответ..., для себя, я не думала, что кому-то интересны мои записи. Мне нужно было разобраться. В нашем тихом районе, за последние три года пропало по различным обстоятельствам сто восемьдесят шесть детей, возрастом до восемнадцати лет, а вместе со взрослыми – около – трёхсот человек, в районе всего пятьдесят–шестьдесят тысяч людей; половину нашли, большая часть сама вернулась, но некоторые случаи остались не раскрытыми. Я отсортировала дела, они были связаны с возвращенцами, и со спокойной совестью, сдала их в архив, у себя оставив лишь не раскрытые, повисшие на моём отделе.

Мы решили разыграть однокурсника, зная о его мормонском воспитании. Всей толпой ввалились в магазин, где продавались не запрещённые табачные изделия и спиртосодержащие напитки, а кое-что покруче. Филл ни о чём не подозревал. Сегодня был его день рождения, и мы заказали ему подарок. Пока продавец выносил упаковку, и Мелли приготовилась запечатлеть на планшет самый кульминационный момент торжества, мы, внутри, все злорадствовали, представляя физиономию этого девственника, при виде подарка. Филл уже начал распечатывать коробку, Мелли нажала на сенсор фотоаппарата в планшете и... Филл пропал, его мормонский бог спас его от издевательств однокурсников. В планшете его не было. Мы передавали подарок из рук, в руки, думая о том, как отчитаться перед родителями за деньги, данные на недельное питание в колледже. Продавец объяснил, как пользоваться изделием. Мелли с очень умным видом слушала его инструктаж, ей и досталась эта «подружка».

Я очнулся в гробу, закрытый со всех сторон, я не мог шевелить не руками, не ногами, только видеть и слышать. Самое странное я не дышал, и не помнил, как здесь очутился. Внутри гроба было темно, а снаружи, кто-то сопел и двигал что-то тяжёлое. Я услышал разговор двух человек.

– Мы выполнили заказ. Всё сделано по вашим инструкциям, осталось только...

– Так в чём дело, почему вы его не отправляете на фабрику биотехнологий?

– Шеф, он же живой!

– Мы делаем биороботов из мёртвых, из живых легче их делать, надеюсь, вас не надо учить!

Разговор прервался. Я понял, что это касалось меня, не помню, как, но я вляпался в самую паршивую историю, которую можно было придумать. Меня, наверное, разберут на органы, или ещё что хуже. Потом меня выключили – как свет, как газ, и закрутили, как кран для подачи воды, перед тем, как выйти из дома. Я не помню ничего, два часа нас держали в учебном центре: у нас нет имени, мы откликаемся на имя данное хозяином, у нас нет ничего, хозяин даст нам одежду, если захочет, мы принадлежим тому, кто нас купил. Мы биороботы. Замену аккумуляторов тоже выполняет хозяин. Хозяин наш бог, он повелевает нами. Аккумуляторы перешли в режим экономии энергии. Это был наш сон. Мне снилось, что у меня сегодня день рождения и друзья готовят для меня подарок. Нас не выставляли на витрины, чтобы привлечь покупателей, мы хранились в состоянии полусна на складах, время от времени нас перевозили по всей планете, грузили, выгружали, проходили через таможенные и пограничные контроли. Фабрики биотехнологий на планете работали круглосуточно.

Бармен смахнул фужеры, со следами косметики, на пол:

– Роботы! Противные роботы!

Он ненавидел своих посетителей, торчащих перед стойкой, он ненавидел женщин лёгкого поведения, он ненавидел

себя за то, что ничего не может изменить в своей закостенелой судьбе. Каждый день всё одно и то же, пришло время уходить, сначала из бара, потом из этого мира. И этот день настал. Он едва увернулся от грузовика, у которого лопнуло колесо, грузовик полетел в пропасть из нагромождённых лестничных пролётов, от удара вывалился груз, какие-то большие картонные коробки, из одной из них и вылезла Сюзи. Карл её узнал, прошло двадцать лет, а она была такая же, как тогда. Карл подвозил соседку из колледжа. Сюзи пропала в автомобиле. Ему тогда никто не поверил. Карл отвёл девушку в полицию. Потом приехала спец. бригада, и этот случай замяли, даже в городской газетёнке ничего не сообщили о аварии. Карла нашли повесившимся на сосне, перед спуском к морю. Девушка оказалась биороботом, большой куклой, для взрослых игр. Всю свою молодость Карл провёл за решёткой, он не любил людей, он ненавидел тюрьмы. Священник, который отказался отпевать усопшую, был тоже членом закрытого клуба, в котором работал Карл. Анубис забрал его душу ещё до того, как он закопал труп Сюзи. Теперь он служил богу, живому богу! Биороботы были не совершенны: молчаливы, безответны, но хорошо обучены для интимных утех, купив куклу, тяжело было отказаться от неё, выбросить, засунуть в чулан. Кукла становилась членом семьи, невольным свидетелем всего, что творится в этом мире: за занавесом закона и благополучия. Каждая кукла имела вмонтированный чип, и Анубис знал все тайны челове-

чества. Священник был хранителем информации в этом городке, он был рядовым в армии бога.

Это дело, как-то не вязалось к остальным. Я продолжала изучение по своей методике, давая другие имена и вымышленные места обитания. Я даже сама не ожидала, а сеть получалась, даже из моего вязания. Но погибший десяти летний мальчишка, был явно из другого романа, если бы, не одно – но...

«Графит» был такой, как все, может излишне любознательный, он очень любил копаться в старых вещах и пропал в доме бабушки. Дом по наследству достался нашей семье, он находился в пяти кварталах от нашей квартиры, просто руки не доходили до него. «Графит» нашёл ключ и после занятий посещал тайком этот дом. Он никогда не рассказывал, что там делал, даже лучшим друзьям. Один раз только оговорился, что в доме много кукол и они ведут себя, как живые, они забыли, как говорить, но придумали свой язык, язык жестов. Мальчик ещё не был взрослым, он любил играть в куклы и изучил их язык. Потом был взрыв. От дома и от «Графита» ничего не осталось. Пожарные в акте записали взрыв газа, скопившегося над магистральным газопроводом.

Это была одна из историй, связанная с биороботами. У бабушки действительно была коллекция раритетных изданий, стоимость некоторых роботов доходила до двухсот тысяч \$ США. Осталась только фотография, Роботы были похожи на знаменитости: принцесс, королев, был даже Распутин и

Горбачёв. Горби – на любителя, в наше время его покупают, преимущественно мужчины, но спросом продолжает пользоваться. С какой целью старушка собирала эту коллекцию, бог знает, в деле об этом ничего не говорится, поэтому, не будем придумывать. Жалко пацана только!

Мне говорили, что её слепили зэки из хлеба, слушать коллег, себя не уважать. «Матрёшка» была не биоробот, никто не знает, кто ей этот псевдоним дал, зато все знают за что. Матрёшку привезла одна из культурных бездетных семей нашего города. Мама преподавала в музыкальной школе, а папа был учителем труда, физкультуры и рисования – на все педагогические уроки мастер! «Физтруд» приходил домой поздно, его школа никак не хотела отпускать. Каждый день, кроме воскресения, у него были кружки, семинары, дополнительные занятия. Папа зарабатывал деньги. Матрёшке было лет восемь-десять, когда она появилась в городе. Поначалу её никто не понимал, она постоянно ругалась, мешая матерные и старославянские слова. Оказывается, она разговаривала так. Папа нанял репетиторов и за два года выровнял образование девочки и попытался поменять лексикон. Её приняли в третий класс, но иногда Матрёшку прорывало, тогда сбегалось пол школы родителей всех возрастных групп, чтобы выяснить, кем обозвала их детей, их самих с дедушками и бабушками, эта третьеклассница. – Мы этого не допустим, мы этого не потерпим, мы жаловаться в районно будем, – только и слышно было в учительской. Директор

молодец, не реагировал на этот шабаш возмущённых родителей. Он обещал, и все успокаивались. Годы шли, девочка изменилась, увлеклась самбо, побеждала на соревнованиях, только кличка осталась. Я даже пару раз её видела, нормальная девчонка. Но приехал её пастор и изменил Матрёшку. Пастор уехал, оставив группу из шести человек, и в городе стали пропадать люди. Это совпало с моим приездом и появлением в полицейском отделе. Первым пропал священник. Матрёшка выследила его, когда он попытался передать информацию. Всё, случайно увидела школьная подруга девочки, они вместе ходили в секцию. Тренер её послал..., что увидела она, заставило забыть о том, что хотел передать тренер. Матрёшка кралась из-за стены разрушенного монастыря, она не видела, увязавшуюся за ней подругу. В руках Матрёшки был меч, перед входом на кладбище, она одела противогаз с сумкой через плечо. Это было интересно, интригующе, я просто не ожидала, что дальше произойдёт. А дальше я увидела священника, он был не стар, но уродлив, про себя, мы называли его Квазимодо. Матрёшка взмахнула мечом и отрубила ему кисть правой руки, вот с этим кубом. Священник превратился в зверя и выплеснул яд в лицо девушки, а потом загорелся. Кисть пыталась убежать и утащить куб. Я вскрикнула от неожиданности. Матрёшка только успела сказать:

– Лови руку, отбери у неё..., передай следователю.

И упала. Я выхватила куб и побежала, мне было страшно.

Это я принесла вам. И девочка передала идеально изготовленный из лёгкого материала куб. Он был похож на поделку из кости допотопного животного и на мрамор, только лёгкий. Я, оправившись свой мундир, и положила куб в сейф с делами. Матрёшку больше никто не видел, её никто не искал, приёмные родители ушли один за одним, в один год. Слишком поздно они решились на удочерение. Подруга, видевшая последний бой Матрёшки, тоже пропала, родители увезли её из этого непонятного города. Остался никому не нужный куб, зачем Матрёшка завещала передать его мне?

Четверг закончился вместе с чаем, я как-то не отошла от студенческого общежития, нет, наглицов и у нас хватало, но таких...! Я в понедельник купила большую пачку чая и сладкие сухарики. Коллеги подтвердили мои покупки, сказав, что сухари крысы съели, а чай пропал из-за церковного праздника – «водохлёб» называется. Я весь интернет перерыла, нет такого праздника, а в нашем отделе есть! Придётся всё в сейф прятать, только нет уверенности, что у этого «водохлёба» ключей от моего сейфа нет. Хорошо, что вчера зарплату дали, даже премия небольшая есть. Я набралась в магазине всего немного, на месяц. У моих дверей меня ждал «таракан», он издали увидел меня с пакетами и его усы задвигались вместе с волосами на голове. Это было худое, замученное голодом создание, которое реагировало только на наличие пищи. Оно на память знало, сколько калорий на-

ходится в любом продукте. Его, за глаза, все называли Укус, так я и познакомилась с психологом этого полицейского царства, он так мне мозги запудрил, что я и не заметила, как в его худое чрево, ушёл весь купленный на месяц запас. Он съел всё, даже горох с вермишелью. После себя оставил чувство обиды в моей душе и большой ключ от заколоченной комнаты. Укус пообещал прийти ещё, для закрепления знакомства, и пришёл с коробкой пирожных, которые сам и сожрал, под мой чай. Он открыл дверь, которую капитан Брусницын, категорически запретил открывать. Вся комната была завешена паутиной и забита различным хламом: разошедшееся пианино, различные полки, кровати, шкафы, сундуки. Всё, что хорошая хозяйка выкидает сразу, пополнив раритетом ближайшую свалку, здесь оно будет храниться до скончания веков. Укус почувствовал, что ему больше ничего не перепадёт, потихоньку свалил, оставив меня наедине с этим помещением. Я кинулась искать замок, нигде не нашла, не нашла даже скоб, на которые он крепился. Я, кляла этого обжору, как попало, подоткнула двери шваброй, до субботы. Только поспать мне сегодня не удалось, ночью дверь в комнату пропала и на месте хлама, разросся девственный лес, сквозь заросли лиан и папоротника старались пролезть мелкие динозавры, притом – они были чётко видны, а я отражалась в воде маленького озера, как туман. Но, какие – то силы не давали проникнуть ящерам в наш мир, вместо двери был экран времени, он и создавал этот запрет. Всё рав-

но было страшно, а что, если этот запрет не постоянное явление? Завтра было на работу, и я провалилась в сон. Знаете, какое самое мерзкое состояние – это, когда ты не пила, а ощущение, как с похмелья, нескончаемо звонит будильник и у тебя нет сил пошевелить рукой, чтобы выключить его, не сомневаясь, что на кухне не осталось и следов кофе. Дверь в комнату с чудесами была закрыта, замок висел на месте. Я пообещала себе, и на порог дома не пускать Укуса, остальные эпитеты по его адресу, оставлю внутри своей излишней скромности. Сослуживцы встретили меня понимающими ухмылками, а особо наглые, задавали вопросы, что за крики были слышны ночью из моей комнаты? Я не реагировала на их подколки, я ни на что не реагировала до обеда. Я заняла очередь к кофейному аппарату, а пятница всё тянулась и тянулась. Впервые, мне после работы не хотелось идти домой, не хотелось видеть ехидных улыбок соседок и жадные бессовестные глаза их мужей. Был конец лета и улицы пахли яблоками, было тепло и хорошо на улице. Укус не видел меня, но куда он направлялся, у меня не возникло сомнений... я пошла гулять в школьный парк, и не обратила внимания на вой сирен скорой и пожарной машин. Когда я окончательно нагулялась, по магазинам и дорогам покрытым брусчаткой, я подошла к своему дому, вернее, к тому месту, где был мой дом... дом пропал, только несколько ротозеев крутились возле места, где был дом «мусоров», так в народе окрестили это допотопное строение. Он не сгорел, не разва-

лился, свидетели говорят, что улетел – фьють, и нету. Баба Дуся, из соседнего подъезда, рассказывала, что в магазин за солью выскочила, поздоровалась с Укусом, потом, не доходя магазина, услышала шум, хлопок какой-то. Повернулась, а дома нет, нет ничего – не людей, ни гаражей, не песочницы. Так я осталась без жилья, без денег и личных вещей. Вместе с домом улетели и все коллеги из нашего отдела, осталась я и начальник – капитан Брусницын. Пропажа дома – это ЧП, а пропажа полицейских, вместе с семьями – это было ЧП в квадрате. Из Москвы даже комиссия не успела приехать, для расследования этого аномального случая, как дом вернулся на место, вместе с его жителями. Только люди стали немного другие, лучше и добрее что ли. Укус, после этого случая, и дорогу к дому забыл. Исправился, гад! Самое интересное, что коммуникации не были нарушены, как будто дом никуда не пропал, а стал на время невидимым. Я, с опаской вернулась в свою квартиру, а баба Дуся уехала к себе в деревню, и внуков забрала.

Глава 4

В космосе нет дня, нет ночи, а на загазованной комете с раскалённым ядром – сплошные сумерки. Работать могли только роботы, и то, непродолжительное время, требовалась замена защитных экранов. Информации ноль, зверь выходил из себя, постоянно советовался с Велдом, по мере продвижения по комете, роботы не находили ничего. Велд взял на себя управление поисками, комета была небольшая пятна-

дцать километров в длину и восемь в ширину. Температура поверхности колебалась от пятидесяти до ста пятидесяти градусов Цельсия на поверхности, и это в зависимости от того, какой стороной была повернута комета к Солнцу. Велд определил участки кометы со средней низкой температурой. Нам немного повезло, робот не удержался на скользкой графитовой поверхности и провалился вглубь скалы. Так мы нашли вход. Бурлящая, шипящая, извергающая массы газа поверхность, оказалась искусно подобранной бутафорией – шлюзом в подземный мир. Оболочка была обманом зрения, но то, что нас ожидало внутри, было обманом разума. наших роботов встретило войско из охраны, это были клоны – все на одно лицо, одеты, как первые почтальоны Земли, в какую – то идиотскую форму с коротенькими синенькими брючками, в больших оранжевых ботинках и с гусарского покроя головными уборами. Все солдаты улыбались, холодной улыбкой смерти. Действительно, страшно было видеть этот оскал на бледных лицах кукольных воинов. Движения солдат настолько были отточены, что можно было полюбоваться в видеоэкраны, связанные со зрением поисковых роботов. Честное слово, мы при подготовке к поискам на комете, предусмотрели почти всё, но то, что против нас выступят биороботы, вооружённые мечами и луками..., этого даже Велд не мыслил. Велд дал приказ на отступление. Неля подошла к корабельному компьютеру и связалась с Велдом, о чём они говорили, никто не знает, после обнаружения тай-

ника на комете Галлея, включились полутены и выслали свой десант. Их заинтересовали эти древние игрушки. Полутены прибыли в самый интересный момент: почтальоны решили провести вылазку и атаковать наглых металлических тараканов, за которых они приняли наших роботов, но увидев перед собой оборотней с собачьими головами, они все стали на колени и начали гундосить одну из песенок военного репертуара древней Иудеи. На этом война закончилась. Десантники выключили кукол, и оставив, одного из своих представителей, улетели домой. Мы начали обследование помещения, так тщательно спрятанного от посторонних глаз и охраняемого таким грозным войском. Роботы нашли и нейтрализовали несколько средневековых ловушек. Температура внутри помещения была приемлемая, всё помещение больше было похоже на склад, где в прозрачных пластиковых ящиках лежали люди.

– Биороботы, – поправил оставшийся полутен.

Они со зверем прошли по рядам, включали роботов, делали опрос и выключали. Это были строители, они называли себя инструментом Анубиса. Игл дошел до последних рядов, ему было непонятно, зачем эта консервация, да ещё под охраной, и его взгляд наткнулся на робота с открытыми глазами. Робот не мог двигаться, как парализованный, но жил. Игл почувствовал это и позвал меня. Велд всегда присутствовал рядом с нами:

– Опять всё безвременно собирается?

Перед нами лежал Романов. Я позвал Нелю:

– Узнаёшь? Родственника?

Полутен произвёл пасы включения, и Романов вдохнул разреженный воздух. Робот проснулся с недовольством, и кучей обид, что мы так медленно шевелимся, он уже два столетия посылает сигнал, заряд генератора передатчика кончился, а они только прибыли. Я таким злым свата никогда не видел. Он открыл свой мозг, Велд вынес изображение на стену, отсеяв паразитические картинки. Перед нами был древний Египет, Иудея, Шумерское царство – зарождение и развитие цивилизации. Был народ, но он абсолютно не был похож на нас: зелёная кожа, хитиновые наросты, конечности, как у насекомых. Потом были гиганты, рост мозга у которых не успевал за телом, генетические мутации. Здесь впервые появился Анубис, ещё не бог, а пресмыкающееся у ног Атлантов. Потом была война, унесшая всё живое и родившая богов. Анубис уже был одним из них. Ему отдали царство мёртвых, и он вспомнил старое, Анубис был с планеты, где делают мумии. Он сделал зомби, первую мумию и начал подменять разумных, превращая их в мумии, он живыми мумиями заменил всех, богов тоже. Он сделал так, чтобы биороботы воевали между собой, могли защищаться. Но все они подчинялись только ему. Он не учёл только одного – цивилизация полутенов ушла намного вперёд своего древнего соплеменника. Да, Анубис был из Империи, но архив планеты рекомендует хранить вечно тайну его миссии. Кукловод

сморщился, он через глаза Нели наблюдал, за нашими действиями:

– Пора возвращать Анубиса на Родину. Он наделал столько ошибок, что нам не отмыться. Надо будет исправлять. Интересно, что он задумал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.